
**С КАФЕДРЫ
ПРЕЗИДИУМА РАН**

---

5 июня 2019 г. Председатель Китайской Народной Республики Си Цзиньпин и президент Российской Федерации Владимир Путин подписали в Москве Совместное заявление о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. Стороны договорились провести в 2020 и 2021 гг. перекрёстные годы российско-китайского научно-технического и инновационного сотрудничества в целях укрепления двусторонних связей, кадровых обменов, продвижения деловых контактов, формирующих новые, более гибкие механизмы взаимодействия государственных и коммерческих структур, а также частных предпринимателей и инвесторов.

24 сентября состоялось посвящённое китайской тематике заседание президиума РАН. В преддверии перекрёстных годов необходимо провести объективный анализ проблем развития Китая на новом этапе преобразований, оценить потенциал научно-технического сотрудничества России и Китая, обозначить сферы взаимного интереса и выработать рекомендации, способные повысить эффективность двусторонней кооперации в области науки. С докладами выступили доктор исторических наук А.В. Ломанов и доктор исторических наук С.Г. Лузянин. “Вестник РАН” публикует представленные материалы, а также обзор основных подходов и точек зрения, высказанных в ходе дискуссии членом-корреспондентом РАН В.Л. Лариным, доктором политических наук Я.В. Лексютинной, доктором политических наук А.Д. Воскресенским, академиками РАН А.А. Дынкиным, Ю.Ю. Балегой, В.Н. Чарушиным, В.Н. Пармоном и О.Н. Фаворским.

СОВРЕМЕННЫЙ КИТАЙ: ВНУТРЕННИЕ И ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ НА НОВОМ ЭТАПЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

© 2020 г. А. В. Ломанов

*Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия*

E-mail: a_lomanov@hotmail.com

Поступила в редакцию 30.10.2019 г.

После доработки 30.10.2019 г.

Принята к публикации 14.11.2019 г.

В статье, подготовленной по материалам доклада на заседании президиума РАН 24 сентября 2019 г., проанализированы новые тенденции в развитии Китайской Народной Республики, указано на необходимость обновления подходов к исследованию экономической и политической трансформации современного Китая. Происходящее под влиянием внутренних экономических процессов и ускорившееся вследствие ограничения экспорта в США падение темпов экономического роста заставляет руководство КНР уделять повышенное внимание инновациям и производительности труда. Осознание необходимости углубления рыночных реформ и расширения открытости внешнему миру соседствует с политикой поддержки государственных предприятий и реализацией экономических программ под руководством правительства страны. В качестве ключевых особенностей современной внутренней политики Китая выделены рецентрализация политической власти, реидеологизация общественной жизни, рекитаизация идеологии и культуры. Рассмотрены новые тенденции в развитии общественных и гуманитарных наук, связанные с поддерживаемыми властью поисками новой китайской идентичности.

Ключевые слова: Си Цзиньпин, КПК, торговая война, экономические реформы, инновации, политическая стабильность, общественные науки.

DOI: 10.31857/S0869587320020073

ЛОМАНОВ Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований НИ ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН.

Юбилейные даты в истории КНР совпали с обострением американо-китайской торговой войны. Это привело к появлению противоречащих друг другу оценок перспектив развития страны, способных дезориентировать зарубежных наблюдателей. Празднование в декабре 2018 г. 40-летия начала политики реформ и в октябре 2019 г. 70-летия образования КНР стало поводом для многочисленных заявлений об успехах Китая. Одновременно проявились негативные тенденции: замедление темпов экономического роста и ухудшение положе-

ния китайских экспортных предприятий, обслуживавших американский рынок.

На этом фоне повышается практическая значимость объективного всестороннего исследования проблем современного Китая. Возрастает запрос на взвешенное и беспристрастное прогнозирование перспектив развития страны, оценку эффективности находящихся в распоряжении руководства КНР инструментов для преодоления трудностей.

Политики и эксперты Поднебесной рассуждают о возможностях и вызовах, “подобных которым не было в течение столетия”. Эта формулировка восходит к выступлению Си Цзиньпина на Центральном совещании по внешнеполитической работе в июне 2018 г. Тогда партийно-государственный лидер сказал, что Китай “находится в самом лучшем периоде развития в Новое время, мир пребывает в великих изменениях, каких не было 100 лет” [1].

На основании китайских политических комментариев можно сделать вывод, что “великие изменения” указывают на рост влияния развивающихся стран и сокращение доли Запада в мировой экономике, переход США к протекционизму и односторонним действиям, кризисное состояние системы международной торговли и сформированных западными странами механизмов глобального управления. Сто лет назад, после завершения Первой мировой войны, США начали замещать Великобританию как ведущую мировую державу. В наши дни “великие изменения” предвещают смену мирового лидера, на роль которого может претендовать Китай.

Пекин не намерен бросать вызов Западу и заявлять о претензиях на глобальное лидерство. Вместе с тем Коммунистическая партия Китая (КПК) провозгласила, что под её руководством наступила эпоха, когда страна “с каждым днём приближается к центру мировой сцены, вносит всё более значительный вклад в дела человечества” [2, р. 11]. Возрастание роли КНР в международных делах стало возможным благодаря успеху экономических реформ, обеспечивших стране длительный период устойчивого роста.

Россия придаёт большое значение укреплению сотрудничества с Китаем. В июне 2019 г. в Москве Владимир Путин и Си Цзиньпин заявили о вступлении двусторонних отношений в “новую эпоху” [3]. Это положение соотносится с ключевым программным тезисом внутренней политики КНР о наступлении “новой эпохи” в развитии страны.

Согласно официальной трактовке, “вступление социализма с китайской спецификой в новую эпоху означает, что прошедшая в Новое время через невзгоды и бедствия китайская нация совершила великий скачок от вставания на ноги и на-

копления богатства к обретению силы” [2, р. 11]. Подразумевается, что Китай “встал на ноги” с победой революции под руководством Мао Цзэдуна, разбогател благодаря реформам Дэн Сяопина, а после прихода в 2012 г. к власти Си Цзиньпина начал движение к обретению статуса сильной мировой державы [4].

Новая эпоха КНР всё более заметно отличается от предыдущей. Сформулированные в прошлые десятилетия выводы и обобщения лишь частично могут быть применены для оценки текущего развития Китая. Ещё труднее использовать их для прогнозирования дальнейшей траектории развития страны.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

В 2018 г. ВВП Китая превысил 13.5 млрд долл., что делает китайскую экономику второй в мире по размеру после США. При пересчёте по паритету покупательной способности экономика КНР уже превзошла американскую. Однако в последние годы темпы роста валового внутреннего продукта падают. Китайское правительство установило целевой диапазон роста ВВП в 2019 г. в 6.0–6.5%. Можно предположить, что итоговая цифра приблизится к нижней планке и вряд ли превысит 6.1%.

Продолжение торговой войны грозит уменьшением показателя роста ВВП в 2020 г. до 5.5–5.9%. Это может вынудить китайские власти отказаться от сдержанной финансовой политики и перейти к широкомасштабному кредитованию для стимулирования экономики. Подобные методы успешно применялись 10 лет назад для борьбы с негативным воздействием мирового финансового кризиса. Однако опасность наращивания долга заставляет руководство КНР прибегать к другим способам поддержки деловой активности, прежде всего за счёт снижения налоговой нагрузки.

В первый год правления Си Цзиньпина доминировали реформаторские предпочтения в пользу признания “решающей роли рынка в распределении ресурсов”. В 2013 г. власти начали “строительство единого, открытого, конкурентного, упорядоченного рынка” и взяли курс на улучшение среды для деловой активности путём сокращения находящихся в руках чиновников разрешительных полномочий. Важным организационным шагом явилось создание Руководящей группы ЦК КПК по всестороннему углублению реформ, во главе которой встал Си Цзиньпин.

Ещё до прихода в Белый дом Д. Трампа китайские власти были озабочены снижением темпов экономического роста. В 2014 г. они публично заявили о вхождении экономики КНР в состояние “новой нормальности”. Это означало, что дву-

значных показателей годового увеличения ВВП в Китае больше не будет и правительство не станет разгонять экономический рост. Причина в том, что КНР неуклонно утрачивает старые экспортные преимущества в трудоёмких отраслях, поскольку стоимость рабочей силы растёт, отдача инвестиций снижается. Власти озаботились угрозой попадания в “ловушку среднего уровня доходов”, когда вслед за ростом заработной платы экономика теряет сравнительные преимущества: она уже не может конкурировать по цене продукции с другими развивающимися странами, будучи неспособной вывести производство на уровень развитых стран.

В этой ситуации двигателем экономического роста должны стать инновации, способные обеспечить повышение производительности труда. В 2015 г. в Китае была объявлена “структурная реформа предложения”, нацеленная на сокращение избыточных производственных мощностей, уменьшение складских запасов продукции и объёмов нераспроданной жилой недвижимости. Власти намеревались реструктуризировать накопленные за прежние годы долги и избавиться от нежизнеспособных “предприятий-зомби”.

Торговая война ухудшает экономическое положение КНР, но не является главной причиной замедления роста. Примирение с США, за которое Трамп требует высокую экономическую и политическую цену, не избавит экономику Китая от накопившихся структурных проблем. Хотя без торговой войны китайские власти могли бы проводить назревшие экономические преобразования в более комфортных условиях, не сталкиваясь с необходимостью выбора между рыночными механизмами и государственной поддержкой предприятий и отраслей, оказавшихся в трудной ситуации из-за потери американского рынка.

В опубликованном в 2019 г. совместном докладе Всемирного банка и Центра исследований развития при Госсовете КНР “Инновационный Китай: новые драйверы роста” отмечается, что развитие страны оказалось на перепутье. Ускоренная индустриализация, урбанизация и повышение эффективности, ставшие возможными благодаря четырём десятилетиям осуществления политики реформ и открытости, более не в состоянии обеспечивать прежние темпы роста. Снижение отдачи государственных инвестиций, быстрое старение населения и менее благоприятная международная среда делают поиск новых драйверов экономического развития всё более неотложным [5, p. xi].

Авторы исследования призывают сосредоточить усилия на “непрерывном росте производительности”, поскольку это единственная возможность обеспечить будущий подъём. Важнейшим условием остаётся рыночная конкуренция. В

обозримой перспективе Китаю необходимо заняться “проблемой трёх D”: устранить искажения (distortions) в распределении ресурсов; ускорить распространение (diffusion) имеющихся передовых технологий и инноваций, дабы воспользоваться всё ещё сохраняющимся значительным потенциалом догоняющего роста; содействовать открытию (discovery) новых технологий, продуктов и процессов в интересах расширения границ национальных производственных возможностей.

Для достижения этих целей в докладе рекомендовано сместить акцент промышленной политики с вертикального государственного вектора на горизонтальный рыночный; расширить допуск частных и зарубежных инвесторов для усиления конкуренции. Сходным образом поддержка инноваций и цифровой экономики должна проводиться не только сверху вниз, но и снизу вверх с опорой на рыночный децентрализованный подход, при этом следует уделить больше внимания защите интеллектуальной собственности. Нужно заняться наращиванием человеческого капитала, вкладывая деньги в подготовку кадров для работы в инновационной экономике. Необходимо обеспечить более эффективное распределение финансовых и людских ресурсов: мелким и средним частным предприятиям надо гарантировать равные с крупными госпредприятиями условия доступа к кредитным средствам, люди должны обрести большую степень мобильности за счёт либерализации системы регистрации. Следует повысить эффективность урбанизации, развития и интеграции регионов, содействовать экономической глобализации и международной конкурентоспособности, в том числе благодаря созданию понятных правил для зарубежных инвесторов и уравниванию их статуса с национальными предприятиями. Чтобы новые драйверы роста сумели проявить себя, требуется реформировать систему отношений между государством и рынком, сделать регулирование прозрачным и предсказуемым, нацелить местные власти на поддержку рыночных механизмов экономического роста, укрепить бюджетную дисциплину, расширить доступ к экономической информации и данным.

Эти предложения носят рыночный характер и могут быть охарактеризованы как потенциальная основа для консенсуса в экономической политике между Китаем и Западом. Здесь присутствуют тезисы о равных правилах игры, защите интеллектуальной собственности и недопустимости ультимативных требований передачи технологий от иностранных инвесторов к их китайским партнёрам. В данных вопросах Китай готов двигаться навстречу западным пожеланиям, исключая при этом внешний диктат и одностороннее давление.

В докладе обрисованы несколько сценариев развития китайской экономики. “Всеобъемлющие реформы” обеспечат годовой рост ВВП на уровне 5.1% в 2020-х и 4.1% в 2030-х годах за счёт повышения производительности труда. “Умеренные реформы” не затронут основные политические структуры и институты, не принесут существенного улучшения экономической политики, не будет и заметного прироста производительности труда. В этом случае в 2020-х годах можно рассчитывать на те же 5.1% роста, однако в 2030-х годах эта цифра снизится до 2.9%. Путь “ограниченных реформ” приведёт страну к замедлению экономики вследствие накопления чрезмерного объёма внутреннего долга; рост ВВП с 4% в 2020-х годах упадёт до 1.7% в 2030-х [5, p. 25, 26].

Кажущаяся очевидной предпочтительность рыночных “всеобъемлющих реформ” не означает, что власти прибегнут к радикальным решениям. Пекин заведомо не откажется от политики поддержки крупных государственных предприятий, что не исключает создания более благоприятных условий для китайского частного бизнеса и зарубежных инвесторов.

Провозглашение китайским руководством курса на повышение роли рынка при одновременном усилении централизованной власти КПК выглядит противоречивым. Западные эксперты видят в этой политике стремление государства подчинить себе частный бизнес. Они делают вывод, что более активное вмешательство государства в деятельность предприятий неизбежно приведёт к принятию экономических мер, не соответствующих рыночному спросу и не приносящих прибыль.

Однако на деле госпредприятия и частники действуют в разных сферах, что позволяет обеспечивать комплексный характер экономического развития Китая. Государственные предприятия уступают частным по эффективности и способности к инновациям, но занимают важное место в аэрокосмической промышленности и транспортном машиностроении. Они работают над тем, чтобы преодолеть отставание КНР в производстве старой продукции, освоенной на Западе ещё в прошлом веке, вроде гражданских реактивных самолётов. Решение таких задач требует длительного времени и больших вложений, что не вызывает интереса у частных предпринимателей. Их гибкость и способность к инновациям обеспечивают Китаю лидерство в новых сферах наподобие искусственного интеллекта и создания цифровой экономики.

Иллюстрацией интереса правящей партии к новым технологиям служит состоявшаяся 25 октября 2019 г. коллективная учёба членов Политбюро ЦК КПК, посвящённая развитию и тенден-

циям блокчейн-технологии — универсального инструмента для построения различных баз данных. Си Цзиньпин призвал “ускорить продвижение технологии блокчейн и развитие промышленных инноваций, активно продвигать интегрированное развитие блокчейна и социально-экономической сферы”, добиваться китайского лидерства в теории блокчейна, придать импульс “глубокой интеграции блокчейна с искусственным интеллектом, большими данными, Интернетом вещей и прочими передовыми информационными технологиями”. Генеральный секретарь ЦК КПК указал на необходимость изучить применение “Блокчейн+” в социальной сфере, включая образование, занятость, пенсионное обеспечение, медицину и здравоохранение, точечную борьбу с бедностью, распространением контрафактных товаров, безопасностью продуктов питания, общественные блага и социальную поддержку, дабы “обеспечить ещё более интеллектуальные, удобные и качественные государственные услуги для народных масс”. Он также рекомендовал использовать новую технологию при строительстве интеллектуальных городов, создании их информационной инфраструктуры, транспорта, энергетики [6].

За годы реформ Пекин отказался от директивной системы планирования советского образца, несовместимой с рыночной экономикой. Пятилетние планы в Китае сохранились, однако их стали называть “индикативными”, поскольку они обозначали лишь общие ориентиры развития и задавали темпы экономического роста.

Авторитетный исследователь китайской экономики Барри Нотон (Калифорнийский университет в Сан-Диего) обратил внимание, что количество программ экономического развития в КНР в последние годы заметно увеличилось. Они охватывают производственную сферу, инфраструктуру, процессы урбанизации. Не прибегая к терминологическому аппарату плановой экономики, учёный обозначил это явление как “большое руление” (*grand steerage*). В руках китайского руководства появился широкий набор инструментов стимулирования экономического развития, который адресован прежде всего лидирующему в инновационной области частному бизнесу [7].

Рассчитанная на десятилетие программа “Сделано в Китае-2025” первоначально охватывала 10 направлений, включая авиастроение, судостроение, новые материалы, агротехнологии. В процессе её осуществления центр усилий сместился в сторону робототехники, искусственного интеллекта, транспортных средств с новыми источниками энергии. Программа опирается на признание важности частного предпринимательства и рыночных механизмов. В то же время она

нацелена на повышение конкурентоспособности госпредприятий, которые остаются неотъемлемой частью китайских планов экономического развития.

В 2019 г. в КНР проект “Сделано в Китае-2025” перестали упоминать в официальных документах и выступлениях лидеров. Это не означает, что власти отказались от долгосрочных планов инновационного развития. Причина в том, что данная программа превратилась в главную мишень для критики со стороны Запада, где планы выхода китайских производителей на мировой уровень в разработке отдельных технологий восприняли как серьёзную угрозу. В ходе торговой войны США ограничили поставки комплектующих для китайских телекоммуникационных компаний “Чжунсин” (ZTE) и “Хуавэй”. Жёсткое напоминание о зависимости Китая от поставки иностранных компонентов стало дополнительным стимулом для интенсификации усилий по импортозамещению.

Примером политики соединения возможностей частного сектора и государства стала стратегия военно-гражданской интеграции. Она нацелена на привлечение предпринимателей к военным разработкам и развитию технологий двойного назначения (новые материалы, искусственный интеллект, робототехника). Организационным механизмом координации и управления в этой сфере стала созданная в 2017 г. Комиссия ЦК КПК по развитию военно-гражданской интеграции во главе с Си Цзиньпином.

Снятие прежних ограничений позволяет бизнесменам осуществлять вложения капитала в предприятия военно-промышленного комплекса, заниматься подготовкой кадров для военной промышленности. Эта стратегия призвана повысить эффективность предприятий китайского ВПК. Установление единых технических стандартов для гражданского и военного секторов экономики упростит их взаимодействие, даст возможность наладить совместное использование ресурсов, осуществлять крупные проекты под руководством государства, приступить к формированию военно-гражданской научно-производственной базы [8, с. 195–201].

ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ

Наступившее после прихода к власти Трампа ухудшение отношений между Вашингтоном и Пекином стало для руководства КНР серьёзным вызовом [9]. Сформировавшаяся за несколько десятилетий привычка рассматривать экономическую взаимозависимость как гарантию стабильности двусторонних отношений помешала китайским экспертам своевременно оценить суть происходящего. Со временем стало ясно, что это

не причуда экстравагантного хозяина Белого дома, а отражение структурных изменений в мировой экономике и политике.

Обновление концепций китайской внешней политики началось за несколько лет до начала торговой войны. Этот процесс стал частью больших изменений, которые развернулись с приходом к власти Си Цзиньпина, провозгласившего строительство “международных отношений нового типа”, основанных на сотрудничестве и взаимном выигрыше. Китайская дипломатия стала более активной, началось продвижение во внешний мир собственных планов, идей и ценностей. Призыв “стремиться к достижениям” в дипломатической работе рассматривается как альтернатива завещанной Дэн Сяопином политике “сокрытия возможностей”.

Китайское руководство проявило прозорливость, когда попыталось сделать внешнюю политику более сбалансированной, понизив приоритетность развития отношений с США в пользу налаживания связей с соседними странами. Поворотной вехой стало состоявшееся в 2013 г. первое в истории КНР рабочее совещание по вопросам дипломатии в отношении сопредельных государств. Однако к моменту начала торговой войны усилия по смене внешнеполитического вектора были далеки от завершения.

В международную повестку дня начали возвращаться забытые темы соперничества государственных систем. В конце минувшего века исход соревнования между либерализмом и авторитаризмом казался предрешённым. В наши дни Запад всё чаще выражает недовольство успехами китайской системы и тревого по поводу её возможной экспансии. В марте 2019 г. Европейская комиссия представила стратегический прогноз отношений с Китаем, который был охарактеризован как “экономический конкурент” и “системный соперник, продвигающий альтернативные модели управления” [10].

Политика развития новых технологий при поддержке государства вызвала в США и ЕС споры о необходимости ограничить и поставить под контроль научно-техническое сотрудничество с Китаем. Западные лидеры и эксперты говорят о невозможности сохранить прежнюю открытость в этой сфере. Развернулось обсуждение политики согласованного контроля над доступом китайских инвестиций в западные экономики, особенно в высокотехнологичные отрасли. Речь идёт как о координации действий внутри ЕС, так и о взаимодействии США и ЕС. Администрация Трампа пока не стремится к налаживанию взаимопонимания с Евросоюзом на китайском направлении, предпочитая действовать в одиночку и использовать пошлины для давления на европейцев. Однако в среднесрочной перспективе появление евро-

пейско-американской координации представляется достаточно вероятным, что ещё сильнее ограничит доступ Китая к новым иностранным технологиям.

Американские власти недовольны тем, что Пекин расширяет масштабы государственной поддержки экономического развития. Требования США в ходе торговой войны не сводятся к сокращению дефицита и защите интеллектуальной собственности. Эти проблемы могут быть решены за столом переговоров на основе взаимных уступок. Добиться от Китая пересмотра политики государственной поддержки экономического развития будет намного труднее, поскольку выполнение этого требования приведёт к утрате глобальных конкурентных преимуществ и размыванию институциональных устоев власти.

Существующая экономическая и технологическая взаимозависимость между Китаем и Западом превращается в руках более сильной стороны в инструмент давления. Российские исследователи отмечают, что «на китайское руководство и элиту оказывает существенное влияние стремление избежать разрыва финансово-экономических связей с США, губительного для национальной экономики» [11, с. 396].

Однако желание Пекина продемонстрировать сдержанность начинает ослабевать. Китайские эксперты-международники рекомендуют адаптировать внешнюю политику к стилю поведения президента Трампа. Для этого стране следует увеличить «тактическую непредсказуемость и гибкость», смело выдвигать собственные предложения и прикладывать усилия к их осуществлению, соглашаться на уступки лишь в подходящее время и не совершать их под американским давлением, научиться сохранять устойчивость при соприкосновении со стратегией США в «серых зонах» [12, р. 10, 11].

Сталкиваясь с нарастающей западной критикой, Китай больше не хранит молчание и выдвигает встречные аргументы. Летом 2019 г. были опубликованы два важных документа, воплотивших эту новую тенденцию.

В Белой книге «Позиция Китая по китайско-американским экономическим и торговым консультациям», выпущенной 2 июня 2019 г. Пресс-канцелярией Государственного совета КНР, указывается, что администрация США должна нести всю ответственность за провал торговых переговоров в мае 2019 г. Обвинение США в «отступлении» Китая от ранее согласованной позиции названо бесосновательным. Более того, в книге речь идёт о трёх «отступлениях» американской стороны от прежних договорённостей. В ней заявлено, что политика «торгового запугивания», которую ведёт США, вредит всему миру, поскольку подрывает авторитет многосторонней торговой

системы, угрожает мировому экономическому росту, разрушает глобальные цепочки производства и поставок. Китай заявил, что никогда не пойдёт на компромисс по ключевым вопросам, касающимся основных национальных интересов. Среди предварительных условий заключения взаимовыгодной торговой сделки названы полное снятие американской стороной дополнительных пошлин на китайский экспорт и реалистичный подход к объёму закупки Китаем товаров из США [13].

Решительные заявления способны произвести впечатление на партнёра в ходе трудных переговоров, однако они сковывают свободу манёвра. Осенью 2019 г. появилась информация о перспективе заключения Вашингтоном и Пекином промежуточной торговой сделки. По предварительным данным, она предусматривает закупку Китаем американской сельскохозяйственной продукции без снятия уже наложенных пошлин в обмен на отказ США от введения новых тарифов. Отступление от сформулированной в Белой книге позиции, требующей полной отмены всех введённых Трампом пошлин, может быть истолковано как проявление слабости переговорных позиций китайской стороны. Замедление темпов экономического роста и промышленного производства поставило под вопрос обоснованность уверенных заявлений о том, что Китай и без сделки с США сможет обеспечить устойчивое развитие за счёт внутреннего спроса, продолжения экономических реформ и бюджетно-финансового манёвра.

Обнародованная в июле 2019 г. Белая книга по национальной обороне Китая в новую эпоху стала ответом на появившиеся в 2017–2018 гг. американские доктринальные документы, где Китайская Народная Республика была названа «стратегическим соперником». В книге отмечается возрастание международной конкуренции, связанное с изменением стратегии национальной безопасности США, и подчёркивается, что именно Соединённые Штаты Америки спровоцировали и усилили конкуренцию между крупными странами, значительно увеличили расходы на оборону, подтолкнули к созданию дополнительных потенциалов в ядерной, космической, кибернетической и противоракетной обороне, подорвали глобальную стратегическую стабильность. Не прибегая к угрозам в адрес США, документ чётко указал на готовность к применению силы для противодействия независимости Тайваня.

В Белой книге по национальной обороне подчёркнуто, что в военную сферу приходят новые передовые технологии в области искусственного интеллекта, квантовой информации, больших данных, облачных вычислений и Интернета вещей. Возобладала тенденция к разработке высокоточного, интеллектуального, скрытного или

беспилотного оружия большой дальности действия. Намечается переход от информационных к интеллектуальным войнам. “Военная безопасность Китая сталкивается с рисками, связанными с технологическими сюрпризами и растущим технологическим разрывом поколений” [14]. Акцент на информатизации китайской армии связан с осознанием воздействия новых технологий на военные возможности ведущих государств мира.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Ключевыми особенностями правления Си Цзиньпина стали *рецентрализация* политической власти, *реидеологизация* общественной жизни, *рекитаизация* идеологии и культуры. Это взаимосвязанные процессы, нацеленные на укрепление “единого централизованного партийного руководства”, консолидацию членов партии вокруг ЦК КПК с “товарищем Си Цзиньпином в качестве ядра”, обеспечение идейной сплочённости общества и создание новой идентичности с отчётливой китайской окраской.

Зарубежные исследователи отмечают, что усиление на Западе настроений в пользу сдерживания Китая отчасти стало реакцией на политические перемены в стране. США долгое время полагали, что по мере перехода к рыночной экономике, участия в глобализации и расширения рядов среднего класса КНР будет трансформироваться в сторону принятия западной экономической и политической модели. Во времена правления Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао в китайской политике при желании можно было найти подтверждения этого тезиса и сохранить выжидательную позицию, полагая, что страна, пусть медленно, движется в “правильном” направлении.

После прихода к власти Си Цзиньпина эта иллюзия была разрушена и похоронена. Осознание разрыва между ожиданиями и реальностью стимулировало формирование в США широкого антикитайского консенсуса. Западные эксперты обнаружили, что десятилетия участия в мировой торговле не заставили Китай полностью открыть свою экономику, не говоря уже о политической либерализации. Американская дипломатия и военное превосходство не смогли убедить КНР отказаться от наращивания военного потенциала. Пекин так и не стал составной частью западного миропорядка [15].

Особенно сильное раздражение вызывают у иностранных аналитиков усилия Си Цзиньпина по укреплению централизованной власти КПК. Они ожидали, что по образцу Тайваня и Южной Кореи замедление экономического роста вынудит Китай совершить переход к демократии, дабы смягчить разочарование населения. Высказыва-

лось предположение, что при Си Цзиньпине китайская система переживает “момент Пак Чжон Хи” образца 1972 г., когда южнокорейский лидер поменял конституцию и наделил себя абсолютной властью. Институциональную параллель находят в принятых в КНР в марте 2018 г. конституционных поправках, давших Си Цзиньпину возможность оставаться на посту главы государства более двух сроков. Идеологическое сходство усматривают в том, что Пак Чжон Хи критиковал западную демократию и стремился найти источник легитимности своей власти в конфуцианстве [16].

В 1979 г. в Южной Корее начались широкомасштабные антиправительственные выступления молодёжи, Пак Чжон Хи был убит, страна встала на путь демократизации. Развитие этой аналогии приводит к выводу, что китайское будущее должно стать повторением южнокорейского прошлого, поскольку корейская демократия времён Пак Чжон Хи и нынешний социализм с китайской спецификой в равной степени являются синонимами старомодной диктатуры. “Есть два возможных пути продвижения Китая вперёд: политическая либерализация, которая позволит продолжить экономический успех, или авторитарное сжатие, которое медленно, но верно подорвёт подъём экономики. Урок Южной Кореи заключается в том, что, когда дело доходит до поддержки экономического роста, политическая либерализация не является вопросом выбора” [16, p. 185].

Хотя в обозримом будущем повторение в Китае южнокорейского сценария невозможно, ухудшение отношений с США, торговая война, очевидное замедление темпов роста ВВП и затянувшиеся протесты в Гонконге указывают на серьёзность новых вызовов. Однако рассуждения о том, что Китай “возвращается во времена Мао Цзэдуна” и отказывается от политики реформ и открытости, уводят от сути проблемы. Политолог Сяо Гунцин предположил, что Си Цзиньпин создаёт обновлённую версию “нового авторитаризма”, чтобы, “используя методы Мао Цзэдуна, делать дела Дэн Сяопина”. Ему необходимо решить накопившиеся за время правления предшественников проблемы ослабления и хаотизации политической власти, не допуская взрыва гражданской активности, способного привести к разрушению “оболочки” политической системы [17].

В период углубления противостояния с США практика “использования методов Мао Цзэдуна” обрела дополнительную ценность как инструмент концентрации ресурсов и общественной мобилизации. Пекин продолжает экономические преобразования, углубляет рыночные реформы и расширяет пространство для деятельности иностранного бизнеса. Вместе с тем возрастает со-

блазн поддержания стабильности за счёт дальнейшего укрепления вертикального партийно-государственного контроля над жизнью общества.

Проводя сравнения, исследователи делают вывод, что “в постсоветских государствах не удалось соблюсти необходимый для транзита баланс между стабильностью и развитием, в то время как Китай, опирающийся на наследие своей цивилизации, адаптируя государство и политическую систему к изменившимся условиям, успешно решил задачи первого этапа модернизации в эпоху глобализации” [18, с. 83]. Вместе с тем учёные предупреждают, что Китай пока не нашёл универсального способа модернизации. “Дальнейший успешный переход КНР на модель автохтонного пути технологического развития и продолжение политической модернизации на основе предоставления более открытого и справедливого социально-политического доступа не гарантирован” [19, с. 12].

Усиление политического контроля и идеологической работы стало ответом на разнообразные “ошибочные” течения, распространившиеся внутри Китая по мере увеличения социального многообразия и разрыва в доходах внутри общества. В начале правления Си Цзиньпина власти Поднебесной были встревожены пропагандой идей западной конституционной демократии, попытками придать западным политическим ценностям универсальный статус, призывами к строительству в КНР гражданского общества, заявлениями авторитетных учёных о необходимости полной либерализации, приватизации и маркетизации китайской экономики. Мишенью для критики стало течение “исторического нигилизма”, нацеленное на отрицание истории КПК и КНР, героев революции и вождей партии, приравнивающее революцию к разрушению, а выбор в пользу социализма – к ошибке.

За прошедшие годы в идейном пространстве страны произошли перемены. Накал публичной полемики с экономическим неолиберализмом снизился. Власти уделяют всё больше внимания сдерживанию распространения “исторического нигилизма”. Призыв “не забывать изначальные помыслы, помнить про свою миссию” занял важное место среди партийных лозунгов в преддверии празднования в 2021 г. 100-летия КПК.

В исторической политике власти всё больше опираются на научное сообщество. В январе 2019 г. в Пекине была создана Академия истории Китайской академии общественных наук (КАОН), получившая статус базовой исследовательской организации общенационального уровня. Её основные задачи – скоординированное руководство историческими исследованиями в КНР, систематизация материалов и составление планов исто-

рических исследований Китая, организация и исполнение крупных национальных планов, изложение китайской истории и пропаганда китайской культуры.

Упомянутая структура организована на базе учреждений КАОН исторического профиля – институтов археологии, Древней истории, Новой истории, мировой истории, приграничных исследований Китая, исторической теории. Президентом Академии истории стал вице-президент КАОН Гао Сян. В приветствии по поводу создания новой исследовательской организации Си Цзиньпин заявил, что “история – это зеркало, знающий историю обладает мудростью”, тогда как “изучение истории – это фундамент всех общественных наук”. Китайский лидер призвал “объединить исследовательские силы в сферах китайской истории, мировой истории и археологии”; “ускоренно создавать систему исторической науки с китайской спецификой”; “объединить исследователей истории всей страны” [20].

* * *

Опыт модернизации Китая, научно-технической и инновационной политики заслуживает внимательного и глубокого изучения. Нужно понимать достоинства и недостатки этого пути развития, его сильные и слабые стороны, которые выявились на фоне усиления соперничества между Китаем и Западом. При этом нельзя упускать из виду нарождающиеся тенденции в области общественных и гуманитарных наук, связанные с поддерживаемыми властью поисками новой китайской идентичности.

Статус и влияние КАОН заметно выросли после того, как в мае 2016 г. Си Цзиньпин поставил задачу создать “философию и общественные науки с китайской спецификой” [21]. Он подчеркнул, что уровень развития государства определяется не одними лишь достижениями в сфере естественных наук, “без процветающих философии и общественных наук страна не сможет войти в ряды передовых государств мира”. На деле была провозглашена рекитаизация общественнонаучного путём реформирования системы научных дисциплин, научной системы и системы дискурса, которые должны “полностью воплощать китайские особенности, китайский стиль, китайскую манеру”. Это широкомасштабный проект, призванный повысить качество исследований и вывести китайские общественные науки во внешний мир.

При участии КАОН появились новые структуры для поддержки дипломатических усилий Китая на ключевых направлениях. В 2017 г. в Будапеште был основан Институт “Китай – Центральная и Восточная Европа”. Это первая зарубежная структура Китайской академии об-

ественных наук, её кадровой и организационной базой стал Институт Европы КАОН. В 2019 г. по инициативе Си Цзиньпина был учреждён Институт “Китай – Африка”, нацеленный на сотрудничество китайских и африканских мозговых центров, проведение совместных исследований и подготовку научных кадров высшей квалификации. Он опирается на платформу Института Западной Азии и Африки КАОН. Этот опыт представляет практический интерес для российских поисков обновлённой стратегии в сфере научной дипломатии.

В ситуации, сложившейся после реформы Российской академии наук 2013 г., РАН стоит более внимательно присмотреться к новым направлениям деятельности КАОН. В июле 2017 г. внутри Китайской академии общественных наук был создан Институт экспертизы общественных наук. Он должен стать главным авторитетным органом в создании стандартов, регламентирующих научную деятельность в стране. Чтобы не прибегать к заимствованию иностранных критериев, КНР разрабатывает собственную систему научной экспертизы с китайской спецификой. Лозунг нового института: “Установить критерии, организовать оценку, вести контроль, гарантировать качество”. Он будет заниматься оценкой исследовательских организаций, включая мозговые центры, издательской деятельности, научных периодических изданий, информационных баз. Обмен информацией и опытом в области экспертизы общественных и гуманитарных наук может стать одним из перспективных направлений взаимодействия РАН и КАОН.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает искреннюю признательность участникам обсуждения доклада на заседании президиума РАН 24 сентября 2019 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Си Цзиньпин*. Нули кайчуан Чжунго тэсэ даго вайцзяо синь цзюймянь [Старательно создавать новый облик дипломатии большого государства с китайской спецификой]. http://www.xinhuanet.com/politics/2018-06/23/c_1123025806.htm (дата обращения 27.10.2019).
2. *Си Цзиньпин*. Цзюэшэн цюаньмянь цзяньчэн сяокан шэхуэй доцюй синь шидай Чжунго тэсэ шэхуэйчжуи вэйда шэнли – цзай Чжунго гунчаньдан ди шицзю цы цюаньго дайбяо дахуэй шан дэ баогао (2017 нянь 10 юэ 18 жи) [Добиться решительного успеха во всестороннем построении общества сяокан, одержать великую победу социализма с китайской спецификой новой эпохи. Доклад на XIX съезде Коммунистической партии Китая (18 октября 2017 г.)]. Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 2017.
3. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения 27.10.2019).
4. *Борох О., Ломанов А.* Новая эпоха Китая: от обогащения к усилению // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. № 3. С. 59–70.
5. *World Bank Group, Development Research Center of the State Council*. Innovative China: New Drivers of Growth. Washington, DC: World Bank, 2019. <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/32351> (дата обращения 27.10.2019).
6. Си Цзиньпин цзай чжунъян чжэнчжицзюй ди шиба цы цзити сюэси ши цяндяо ба цюйкуайлянь цзювэй хэсинь цзишу цзычжу чуансинь чжунъяо тупокоу цзякуай туйдун цюйкуайлянь цзишу хэ чань чуансинь фачжань [В ходе 18-й коллективной учёбы Политбюро ЦК КПК Си Цзиньпин подчеркнул: превратить блокчейн в точку прорыва собственных инноваций по ключевым технологиям, ускорить развитие технологий блокчейна и промышленных инноваций]. Синьхуаван. 25.10.2019. http://www.qstheory.cn/yaowen/2019-10/25/c_1125153824.htm (дата обращения 29.10.2019).
7. *Naughton B.* Grand Steerage // *Fateful Decisions: Choices That Will Shape China's Future* / Ed. by T. Fingar, J. Oi. Stanford, California: Stanford University Press, 2020. P. 53–83.
8. *Каменнов П.Б.* КНР: военная политика в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2019.
9. *Мухеев В.В., Луконин С.А.* Китай – США: многовекторность “торговой войны” // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 5. С. 57–66.
10. EU-China – A strategic outlook. Joint Communication to the European Parliament, the European Council and the Council. Strasbourg: European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. 12 March 2019. <https://ec.europa.eu/commission/sites/beta-political/files/communication-eu-china-a-strategic-outlook.pdf> (дата обращения 20.10.2019)
11. *Войтоволский Ф.Г.* Трансформация внешних условий обеспечения национальной безопасности России // *Вестник РАН*. 2019. № 4. С. 393–399.
12. *Zuo Xiyi*. Adjusting China's Diplomacy toward the US // *Contemporary International Relations*. 2018. V. 28. № 6. P. 10–13.
13. China's Position on the China-US Economic and Trade Consultations. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Xinhuanet. 2 June 2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-06/02/c_138110404.htm (дата обращения 27.10.2019).
14. China's National Defense in the New Era. The State Council Information Office of the People's Republic of China. Xinhuanet. 24 July 2019. http://www.xinhuanet.com/english/2019-07/24/c_138253389.htm (дата обращения 27.10.2019).

15. *Campbell K., Ratner E.* The China Reckoning: How Beijing Defied American Expectations // *Foreign Affairs*. 2018. № 2. P. 60–70.
16. *Hahn Chaibong.* China's Future Is South Korea's Present: Why Liberalization Will Follow Stagnation // *Foreign Affairs*. 2018. № 5. P. 177–185.
17. Синь цюаньвэйчжуи 1.0 дао 2.0 Сяо Гунцин тань далу гайгэ кайфан сыши нянь линдаожэнь дэ чжунаньбянь [Новый авторитаризм от 1.0 к 2.0 Сяо Гунцин говорит о переменах в руководстве за 40 лет реформ и открытости на материке]. Голи чжэнчжи дасюэ гоцзи гуаньси яньцзю чжунсинь. 27.03.2018. <https://iir.nccu.edu.tw/app/news.php?Sn=534> (дата обращения 27.10.2019).
18. *Виноградов А.В., Рябов А.В.* Политические системы постсоветских стран и Китая в процессе межсистемной трансформации // *Полис. Политические исследования*. 2019. № 23. С. 69–86.
19. *Воскресенский А.Д.* Реализация “китайской мечты” в период “эпохи Си Цзиньпина”: что ожидать России? // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. № 10. С. 5–16.
20. Си Цзиньпин чжи синь чжухэ Чжунго шэхуэй кэсюэюань Чжунго лиши яньцзююань чэнли [Си Цзиньпин направил письмо с поздравлением по поводу создания Академии истории Китайской академии общественных наук]. Жэньминьван – Жэньминь жибао. 04.01.2019. <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0104/c64094-30502764.html> (дата обращения 28.10.2019).
21. Си Цзиньпин цзай чжэсюэ шэхуэй кэсюэ гунцзо цзотаньхуэй шан дэ цзянхуа (2016 нянь 5 юэ 17 жи) [Речь Си Цзиньпина на рабочем совещании по философии и общественным наукам (17 мая 2016 г.)]. Жэньминьван – Жэньминь жибао. 19.05.2016. <http://cpc.people.com.cn/n1/2016/0519/c64094-28361550.html> (дата обращения 28.10.2019)